

На улицѣ.

Зима наступила... Сыпучимъ серебрянымъ
снѣгомъ
Окутаны кровли, осыпаны вѣтви деревьевъ...
Идешь по селу... Предвечернія сумерки
плавно
Спадаютъ на землю... Все тихо. Ни свѣта,
ни тѣни.

Идешь,—и кругомъ одѣяло прозрачно-
лиловымъ
Лежить, разостлавшись, молочная свѣжая
дымка...

Ты спичку зажжешь,—и она догоритъ, не
погаснувъ...
И шелестъ полозьевъ, и скрипъ отдаленной
калитки,
И говоръ,—и лай долетаютъ отчетливо-
ясно...

Идешь,—а кругомъ, надвигаясь, одна за
другою,
Ростутъ и растутъ поминутно вечернія
тѣни...
Вдали заиграли... Мелодіей мягкой и смут-
ной
Донесся до слуха обрывокъ невѣдомой
пѣсни;
Дрожа, прозвенѣлъ и растаялъ въ туманѣ
вечернемъ...

И чудилось долго потомъ возбужденному
слуху,—
Все будто звенять неумолкшія трели „со-
пилки“...

То хлопцы прошли... Наступаетъ чудесное
время:
Народъ,—озабоченный, хмурый, сморенный
страдой пережитой,—
Народъ забываетъ нужду... Въ освѣщенныхъ
окна
Приземистыхъ хатъ—наслажденье взглянуть
мимоходомъ!

Тамъ пѣсни поютъ; тамъ дѣвчата и паруб-
ки пляшутъ;
Свободная рѣчь пересыпана шуткой ве-
селой...

Тамъ шенчутся пары; Грыцко, подбече-
нясь, играетъ
Сердитымъ смущеньемъ зардѣвшей, какъ
зорька, Маруси;
И музыкѣ свѣтлой разлитыхъ вьотмахъ
поцѣлуевъ,
Какъ музыка, вторитъ застѣнчивый дѣви-
чій лепетъ...

Народъ отдыхаетъ, поетъ, забавляется, лю-
битъ...
Народъ не теряетъ пугливой надежды на
счастье!..

Умиращее учрежденіе.

Какъ бывшему подписчику Вятской Пуб-
личной бібліотеки, мнѣ хочется высказать нѣ-
сколько замѣчаній о нынѣшнемъ безотрадномъ
состояніи ея и о положеніи читающаго въ ней
люда. Замѣчанія эти—плодъ недолгихъ наблю-
дѣній и дѣлаются они съ скромною цѣлю ука-
зать на нѣкоторые недостатки этого въ высо-
кой степени необходимаго и полезнаго учреж-
денія.

Даже при бѣгомъ взглядѣ на каталогъ
нашей общественной бібліотеки бросается въ
глаза полное ея „безличіе“, отсутствіе того
подбора книгъ, который придаетъ бібліотекѣ
видъ цѣлаго, стройнаго организма, связан-
наго во всѣхъ своихъ частяхъ, развивающаго-
ся изъ одного основнаго ядра посредствомъ по-
степенныхъ концентрическихъ наслоеній. От-
рицать цѣнности этого „ядра“ въ нашей би-
бліотекѣ нельзя, если судить относительно.
Для насъ и за насъ здѣсь потрудились люди
40—60-хъ годовъ. Тѣмъ большѣ видѣть и
разказывать, что городъ не умѣлъ воспользо-
ваться этимъ сокровищемъ, не позаботился о
поддержкѣ и развитіи бібліотеки, предоставивъ
ее „волѣ судьбы“. Въ силу этого новыя поступ-
ленія за послѣднее тридцатилѣтіе (доведенныя

—нужно сказать—до minimum'a), не только
не способствовали обогащенію бібліотеки, но
своей безсистемностью, совсѣмъ обезцвѣтили и
придали отпечатокъ „захудалости“.

Самымъ обширнымъ изъ всѣхъ отдѣловъ
бібліотеки является отдѣлъ беллетристики, на
который со стороны подписчиковъ существуетъ
наибольшій спросъ. Въ новомъ письменномъ
каталогѣ, ведущемся съ 1888 года, отдѣлъ рус-
ской и иностранной литературы почти единст-
венный. Можно было бы ожидать, что къ этой
области книгъ, поносяемой въ ущербъ всѣмъ
другимъ, завѣдующіе прилагаютъ всѣ свои
знанія и заботы. Однако, здѣсь-то именно и
случился такой курьезъ, ославившій Вятскую
Публичную бібліотеку на всю Россію, какъ
пріобрѣтеніе сочиненій нѣкоего Лавра Коро-
ленки, вмѣсто предполагаемыхъ къ выпискѣ
„Очерковъ“ извѣстнаго Владимира Короленки.
Посредствомъ случайныхъ требованій намъ
пришлось убѣдиться и въ томъ, что новыя
произведенія современныхъ беллетристовъ по-
ступаютъ въ бібліотеку по малой мѣрѣ пода-
чезъ 2—3 послѣ выхода ихъ въ свѣтъ. *)
Такая медленность поступленій не можетъ не
отразиться губительно на ходѣ дѣлъ бібліотеки,
такъ какъ публика наша всегда интересуется
послѣдней литературной новинкой. Правда,
произведенія такого рода почти всегда печат-
аются въ „толстыхъ“ журналахъ, однако и
это не дѣлаетъ ихъ болѣе доступными для пуб-
лики. Во первыхъ, наша бібліотека располагаетъ
очень небольшимъ числомъ постоянныхъ
подписчиковъ, имѣющихъ возможность читать
круглый годъ. Затѣмъ и для годовыхъ под-
писчиковъ при настоящихъ порядкахъ систе-
матическое чтеніе едва ли возможно. Дѣло въ
томъ, что даже подписчики перваго разряда
не всегда удобно могутъ пользоваться своими
правами, такъ какъ книжки журналовъ,—при
распределеніи ихъ разносчикомъ, а не бібліо-
текаремъ,—ходятъ очень и очень непослѣдо-
вательно. Иногда промежутокъ между двумя
померами хотя бы „Русскаго Богатства“ про-
должается до 4-хъ мѣсяцевъ. *)

*) Въ бібліотекѣ напр. нѣтъ еще соч. Нефедова,
„Хроникъ“ Гарина, послѣднихъ произведеній Толстого
и др.

**) Тоже нужно сказать и относительно газетъ, ко-
торыя по временамъ раздаютъ по 4 номера чрезъ 4 дн.

Гораздо слабѣе беллетристики пополняютъ
остальные отдѣлы. Начнемъ съ поставлен-
наго во главу каталога „богословія“. Здѣсь
дѣло обстоитъ такъ плохо, пополненіе идетъ
настолько слабо, что можно безъ ущерба для
бібліотеки зачеркнуть весь этотъ отдѣлъ, какъ
не имѣющій никакой цѣнности. Дѣтъ десять
уже въ богословскій отдѣлъ не поступало поч-
ти ничего, кромѣ пожертвованій вятскихъ ав-
торовъ. Давно уже не выписывается ни одного
богословскаго журнала. Вообще, если къ би-
бліотекѣ приложить самыя ограниченныя тре-
бованія—давать *какую-либо* пиццу религиозно
настроенному читателю,—то и тогда она ока-
жется неосостоятельною, не говоря уже о томъ,
что въ этомъ отдѣлѣ ничего нельзя найти для
сочиненія и даже популярной статьи. Не замѣтно
въ каталогѣ такихъ необходимыхъ справочныхъ
книгъ, какъ „Догматическое Богословіе“ еп.
Сильвестра, „Христіанское ученіе о
нравственности“ Мартенсена, нѣтъ ни одной
„Апологетики“ и т. д., не говоря уже о по-
вѣйшихъ русскихъ и переводныхъ сочинені-
яхъ богослововъ.

Съ „философіей“ дѣло обстоитъ еще хуже.
Уже одно то, что, при соединеніи въ одномъ
отдѣлѣ философіи, психологіи, логики, педаго-
гики и политическихъ наукъ, число экземпляровъ
послѣдняго не превышаетъ 450 (причемъ
здѣсь попадають и такія названія: „Краткій
учебникъ и метода преподаванія по потамъ“—
Фохта,—„Демокритъ смѣющійся или поле чест-
ныхъ увеселеній съ поруганіемъ меланхолии“ и
т. под.)—уже одно это доказываетъ, что вят-
ская публичная бібліотека считаетъ философ-
скую сферу знанія чѣмъ-то второстепеннымъ.
Систематическое чтеніе по программѣ, рас-
предѣляющей философовъ по школамъ или
ставящей ихъ въ историко-хронологической
связи, такое чтеніе для жителя Вятки не воз-
можно. Въ бібліотекѣ мало классическихъ тру-
довъ западно-европейскихъ мыслителей. О
русской же философской литературѣ читатель
публичной бібліотеки можетъ составить
такое понятіе, что былъ нѣкогда на Руси
періодъ метафизическихъ мечтаній гегелианцевъ
40-хъ годовъ, а затѣмъ философская мысль
заснула и спать „до сего дня“. Не удивитель-
но, если по этому отдѣлу заявляется самое
меньшее количество требованій.

Что касается естественно-научного отдѣла, то дѣсь поражаетъ отсутствіе новѣйшихъ популярныя книгъ; между тѣмъ наша библиотека въ большинствѣ случаевъ имѣетъ дѣло съ читателями, получившими среднее и высшее образованіе, которыхъ нужно предварительно ввести въ научные интересы и въ научную терминологию.

Голѣе другихъ обращать на себя вниманіе со сто оны завѣдущихъ, повидимому, отдѣлъ историческій. Однакоже и въ немъ нельзя замѣтить какой либо системы и правильности въ выпискѣ книгъ, не говоря уже о томъ, что курьезные недосмотры вводѣ того, какъ подъ заглавными листами „Историческихъ Очерковъ“ Карлейля вложены „Путевые очерки и разказы“ И. Ирвинга, и здѣсь встрѣчаются.

Изъ этого, болѣе чѣмъ краткаго обзора отдѣловъ каталога Вятской Публичной библиотеки, къ сожалѣнію, нельзя усмотрѣть заботливаго отношенія къ духовнымъ интересамъ различныхъ категорій вятской читающей публики. А между тѣмъ теперь библиотека располагаетъ всѣми необходимыми для этой цѣли пособіями въ видѣ обстоятельныхъ рецензій въ журналахъ о всѣхъ выходящихъ книгахъ въ видѣ такого книжнаго обзора, какъ „Книга о книгахъ“ Ингула, и наконецъ, прямо готовыхъ „Программъ домашняго чтенія“ московскаго и петербургскаго кружковъ и профессора Карьва. Главный контингентъ читающей публики, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, состоитъ, конечно, изъ лицъ далеко не получившихъ закончнаго образованія, и почему бы библиотекѣ, между прочимъ, не придти на помощь и въ занятіяхъ по этимъ программамъ для самообразованія?

Среди образовательныхъ учрежденій общественныя библиотеки всегда играли видную роль и теперь съ каждымъ днемъ эта роль ихъ неизбежно должна усиливаться, какъ учреждений, предназначенныхъ для удовлетворенія духовныхъ запросовъ со стороны лицъ всѣхъ общественныхъ положеній и состояній съ самыми разнообразными образовательными цензами, начиная съ низшаго и кончая высшимъ. Читатель несомнѣнно быстро нарастаетъ въ особенности въ количественномъ отношеніи за послѣдніе годы и этотъ ростъ неизбеженъ и дальше въ виду усиленныхъ заботъ правитель-

ства и земствъ, направленныхъ въ сторону школьно-образовательнаго дѣла. Прямой долгъ и обязанность такому учрежденію, какъ общественная библиотека, идти на встрѣчу уже существующимъ запросамъ и широко открыть двери всякому, кто бы онъ нибылъ, ищущему знанія, или даже просто духовнаго развлечения.

А между тѣмъ такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Почему отовсюду слышатся жалобы, что въ Вяткѣ трудно достать интересующую васъ книгу, что нечего читать и даже негдѣ взять! При этомъ какъ то всегда выходитъ такъ, что вятскую публичную библиотеку и не кладутъ въ счетъ, какъ бы совсѣмъ не существующую. А вѣдь было время, правда, лѣтъ 25—30 тому назадъ, когда въ обширномъ залѣ публичной библиотеки за несколькими столами, полными свѣжихъ газетъ и журналовъ, во всякое время можно было найти въ достаточномъ количествѣ читающую публику, не говоря уже о поденщикахъ, въ которыхъ не было недостатка. За этотъ длинный періодъ времени совершенно естественно слѣдовало бы ожидать значительнаго роста библиотеки во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ... залы пусты, подписчиковъ мало да и тѣ далеко не всѣ считаютъ себя удовлетворенными.

Этотъ печальный фактъ, къ сожалѣнію, несомнѣненъ. Въмѣсто прогресса—положительнаго регресса, вмѣсто демократизаціи и доступности—случилось какъ разъ совершенно обратное. Явились на сцену двухкопѣечные сборы за право чтенія въ залѣ библиотеки, толстые журналы совершенно исчезли съ библиотечныхъ столовъ, а газеты кладутся только старыя, потерявшія уже всякій интересъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ читатель долженъ былъ исчезнуть—и исчезъ дѣйствительно; а вездѣ за этимъ, какъ логическое слѣдствіе, явилась возможность не открывать библиотеку съ В утра до 9 вечера, какъ это было прежде, а только съ 11 до 6. Исчезнувшій читатель вѣроятно бываетъ такимъ рѣдкимъ гостемъ, что библиотечную залу, повидимому, не считаютъ даже и нужнымъ освѣщать по вечерамъ. Да и къ чему? Даже вся внѣшняя обстановка, по мнѣнію старожиловъ, далеко не въ пользу палящаго. Куда то исчезла уютность и комфортабельность, исчезла удобная мебель и хороше

е освѣщеніе, располагавшіе прежде, при обилии свѣжаго газетнаго и журнальнаго матеріала провести лишніе часы—дойдой въ стѣнахъ библиотеки.

Вятскія публичная библиотека изгнавъ читателей изъ своихъ стѣлъ установленіемъ соответствующихъ для означенной цѣли порядковъ, равно ничего не сдѣлала и для привлеченія подписчика вообще. Какъ мы уже видѣли, пополненіе библиотеки новыми книгами идетъ очень туго и довольно безалаберно; журналовъ и газетъ выписывается въ недостаточномъ количествѣ, способномъ развѣ только удовлетворить тѣхъ 30—35 аристократовъ-подписчиковъ 1-го разряда, имѣющихъ возможность уплачивать 12 р. годовыхъ. Остальные же, въ особенности подписчики 3-го и 4-го разрядовъ, должны оставить всякую надежду увидать книжку журнала развѣ года. Въ довереніе, такъ сказать, полноты типа учрежденія имѣется, конечно, и имущественный цензъ на право подписки, въ видѣ неизбѣжныхъ залоговъ, существованіе которыхъ сразу закрываетъ двери библиотеки огромному большинству малоимущаго грамотнаго населенія. *) О категоріи же безплатныхъ подписчиковъ, разумѣется, итъ и помину.

Всегда бывають, мнѣ кажется, только и обидно присутствовать при процессѣ умиранія, въ особенности какого ниб. въ высокой степени полезнаго учрежденія, какимъ въ настоящемъ случаѣ является Вятская Публичная библиотека. И это въ процессѣ совершается въ то время, когда сама жизнь выдвинула и поставила библиотечное дѣло въ число своихъ неотложныхъ задачъ, когда въсюду въ значающей безплатныя читальни, народныя библиотеки и въ самой широкой степени доступныя общественныя библиотеки. Последнія, созданныя въ какомъ ниб. глухомъ городишкѣ Россіи или Сибири инициативой читателя и руководимыя, главнымъ образомъ, самимъ же подписчикомъ, въ такія ниб. пять-шесть лѣтъ достигаютъ блестящаго состоянія съ сотнями подписчиковъ и тысяч-

*) Правдо, допускающее замѣну залга поручительствомъ членовъ почет. ком. не мож. служить опроверженіемъ заннсаго положенія. Оно по самому существу своему обязываетъ хлопотать и прийтъ для себя исключительнаго пожеланія, на что рѣшается оч. не многіе.

ными бюджетами. Такія библиотеки не замыкаются въ неподвижныя рамки запретительныхъ правилъ, а, напротивъ, чутко прислушиваются къ запросамъ своихъ кліентовъ и открываютъ двери всякому, ищущему духовной пищи. И населеніе платитъ такимъ учрежденіямъ своими симпатіями, которыя далеко не всегда бывають только платоническими.

Не смотря на сравнительную матеріальную обезпеченность В. П. Б., трудно сказать, возможно ли, при прочихъ наличныхъ условіяхъ, рассчитывать на ея возрожденіе. Пожалуй, почти съ полной увѣренностію слѣдуетъ думать, что процессъ умиранія пойдетъ послѣдовательно и дальше и приведетъ къ своему логическому концу, если только какой либо внѣшней толчекъ случайно не измѣнитъ хода процесса. Но послѣдній вѣдь только дѣло случая, котораго можетъ и не быть, а между тѣмъ городъ почти съ 30 тысячнымъ населеніемъ остается безъ удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ своихъ потребностей. Вятскому образованному обществу и городскому управленію давно бы слѣдовало придти на помощь въ этомъ дѣлѣ устройствомъ общедоступной общественной библиотеки, съ привлеченіемъ самого подписчика къ участию по управленію и завѣдыванію дѣлами библиотеки. Только такая библиотека, организованная по типу харьковской, пензенской, троїцко-савской и многихъ другихъ русскихъ и сибирскихъ могла бы встать на должную высоту и выолнить свою задачу передъ населеніемъ вполне правильно.—Это вовсе уже не такое трудное дѣло, нужна только инициатива, а за общественнымъ сочувствіемъ и даже средствами безъ сомнѣнія дѣло бы не стало.

Н. А. Шарушин